

Юлия Бабчинская

Путь Фэй-линъ
Соль и слёзы

Юлия Бабчинская

Путь Фэй-линь. Соль и слезы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69597577

SelfPub; 2023

Аннотация

Один день может перевернуть всю жизнь, и Катари потеряет все и всех, кого любит из-за коварства морской демоницы ... и встанет на путь Фэй-линь в надежде спасти своих детей. Обложка от нейросети Midjourney

Юлия Бабчинская

Путь Фэй-линь.

Соль и слезы

Её дом, этот крабище на высоких ножках-сваях, уже лет сто стоял возле моря, распахнув глаза на все четыре стороны. В окнах петлял ветер, задевая колокольчики и флейты, якобы защищавшие от злых фэй-линь. Сегодня он ласково касался шершавых рук Каты.

В час перед закатом она по обычаю уединилась на верхней веранде. Зажгла стоявшие на перилах круглые свечи-фонарики, и пламя заскользило по дутым банкам, в которых Ката держала водные растения. Замотав в сухой пучок белые волосы, она придвинула ведро с сегодняшним уловом. Под водой игольчатые лепестки расходились в стороны, словно щупальца.

– Ну иди сюда, красавица, – прохрипела Катари, вылавливая морскую хризантему. В покрытых мелкими шрамами ладонях цветов выглядел ещё более хрупким. – погоди, милая, найдём и для тебя местечко.

Ката погрузила цветок в продолговатый аквариум, выложенный по дну ярко-голубыми, с белыми прожилками, соль-маринами. Она залюбовалась хризантемой, на миг позабыв про заботы, позволяя себе выйти из серого круговорота жиз-

ни.

Но солнце неизменно упадёт в море, вода наполнится темнотой и горечью, а утром всё повторится – первые подзатыльники малым, выход в море спозаранку, шум волн, смех непоседливых помощников, крик чёрных чаек, сети, брызги в лицо, пощёчины плавниками...

За спиной закрипели ступеньки, и Ката обернулась. Никто из домашних не смел подниматься в её водный садик. В проеме нарисовалась скрюченная фигура.

– Ко? – удивилась Катари. – Чего припёрся, дурень?

Обычно он целый день валялся в гамаке, жуя водоросли, или ползал по пляжу, перебирая мутные, безжизненные сольмарины. И совершенно точно никогда не приходил к ней. В деревне он слыл дурачком и лентяем, но, поминая их трепетные чувства в молодости, Ката не могла собраться с духом и отправить муженька ко всем морским чертям. Да и дети его обожали, особенно двойняшки – неуклюжая и пугливая Латика и любопытный Ти.

– Это... – Ко почесал за ухом, с которого, как лапша, свисала морская капуста. Он подцепил её и отправил в рот. На его зубах закрипел песок. – Жрать охота.

– Да вы поглядите! Жратеньки захотел! – прогремела Ката, но быстро успокоилась. – Сегодня Унэ за ужин отвечает. К ней иди. Какой-то мелюзги наловили.

– Унэ смылась с соседским мальчишкой, – усмехнулся Ко.

– А ну сгинь отсюда, а то с лестницы спущу! – вспыхну-

ла Катари, схватив метлу. Она разозлилась на своенравную старшую дочь и непутёвого мужа. И на себя – как бы она ни старалась, всё в этом доме было вверх дном.

Ко шагнул вперёд. Тревожно звякнули колокольчики, и Ката вздрогнула. Светло-карие глаза Ко неожиданно затянуло красной пеленой. Он вцепился в метлу и резко дёрнул на себя. Его узкие потрескавшиеся губы легли в неприятную улыбку.

– Не смей! – мотнула головой Ката, перетягивая метлу на себя. Но с лица мужа не сходила печать безумия. – Спускайся вниз! Немедленно!

Однако вечно послушный Ко, добряк и бестолочь, и не думал отступать. С неожиданной легкостью он оттолкнул Катю и принялся громить её драгоценные аквариумы.

Катари оцепенела, глядя на осколки и помятые растения. Но будто этого ему было мало, Ко запихнул в рот один цветок, затем другой, третий.

'Совсем рехнулся', – подумала Ката. Неужто и вправду так оголодал?

Нетронутой осталась только морская хризантема. Под ней сияли сольмарины, окаменевшие морские брызги, наполненные солнечным светом.

На рассвете Катари покидала дом с дурным предчувствием. В груди, ровно в том месте, где оберег холодил кожу, необъяснимый страх закручивался в воронку, пробираясь к сердцу. А дети опять позабыли свои сольмариновые куло-

ны-горошинки! Вот несносные.

Дети понуро копошились в сом-лодке, ожившей от прикосновения Каты. После устроенного Унэ саботажа и ночного скандала – Ката недурно настучала дочери по задку злощастной метлой, да и женишку влетело – все словно сговорились и теперь смотрели на мать исподлобья, раздув губы и щёки. Даже хохотушка Сето и озорной попрыгун Нигу, её ласковый четырёхлетний сынишка, фыркали и отворачивались каждый раз, когда Ката давала им задание. Катари внутренне сокрушалась на свою грубость и вспыльчивость, но в итоге ворчала ещё сильнее.

– Унэ, Сето! Ротозейки! Сети распутайте! Только косы чесать горазды! Ти! Не понял что ль! Оставь несчастную черепаху в покое и подсоби сёстрам!

– Мама! – прорвался сквозь её крик взволнованный голосок Латики. – Смотри, там неразлучники!

И впрямь. Катари приложила руку козырьком ко лбу и присвистнула. Рядом с ними вынырнула пара крупных перламутровых рыбин, идущих бок о бок, а за ними – ещё три, помельче. Целая семейка! Такого улова на месяц хватит. А блестящие чешуйки принесут неплохую прибыль. Ката дёрнула за ус лодки, беря левее.

– Нигу, малыш, тащи-ка гарпун!

За спиной раздался сдавленный вскрик. Ката обернулась, глядя на детей и то, что их напугало. Из ниоткуда выросла зубастая волна и накрыла сом-лодку, словно гигантская ра-

ковина.

Среди тишины разливался сладкий голос. Он звал её и смеялся. Катари разлепила веки, удивившись, что может видеть. Видеть воду. Она окружала Катю со всех сторон – сверху тёплого бирюзового цвета, переходящая в глубокий синий, – но находилась словно на расстоянии.

– Встань и подойди.

Сперва Ката решила, что голос принадлежит ей самой, заставляя пошевелиться, ожить. Но потом она заметила его обладательницу и тут же вцепилась в сольмариновый оберег. Поговаривали, что чем ярче и прозрачнее камень, тем сильнее защищает от зла.

– Фэй-линь! – воскликнула Ката, но слова прозвучали приглушенно.

– Можно и так, но я привыкла к имени Лами, – отозвалась морская дьяволица.

Она сидела за низким столиком и срезала с куста жемчужные розы, опуская их в вытянутую ракушку-спираль. Красота фэй-линь завораживала. Тёмно-синие, почти чёрные волосы возвышались над головой, как коралловый риф, украшенные столькими драгоценностями – золотыми гребнями, подвесками на длинных шпильках, нефритовыми цветами и рыбками, – что у Каты запестрило в глазах. Ей не хватило бы жизни, чтобы налюбоваться этими сокровищами. Вот только жизни у неё больше не было. Разве может кто сбежать от злого духа?

– Дети! – ахнула Ката. – Где мои дети, гадина?

Лами лениво улыбнулась и сверкнула глазами. Если бы не эти глаза, её можно было бы принять за обычную смертную, но в них горел настоящий огонь, бросаясь искрами, которые оседали на ресницах и рубиновых губах фэй-линь.

– Дети... У меня тоже когда-то были чудесные детки. И вся моя жизнь очень отличалась от нынешней. Представь себе, любимая наложница самого Императора! Прекраснейшая роза его бесчисленных садов! – Глаза Лами запылали сильнее. – Но завистницы наслали мрак на мой разум, и я убила своих детей.

К ужасу Каты фэй-линь раскатисто рассмеялась, а в следующую секунду по её щекам заструились огненные слёзы. Катари заметила движение над головой – там, в мутных пучинах, плавали её дети: глаза закрыты, лица бледные, как у мертвецов.

– Заключим сделку? – поманила её пальцем фэй-линь, приглашая сесть напротив, на огромный черепаший панцирь. Все эмоции стёрлись с лица Лами. – Я верну тебе детей, если ты побалуешь меня немного. Я, пожалуй, заскучала.

Фэй-линь спрятала ножницы в широком рукаве и вынула оттуда похожий на корягу кувшин. Хищно блеснули зелёные чешуйки её одеяния, достойного императрицы.

– Здесь сонное вино. Налей его своему мужу, а взамен наполни кровью. Всё очень просто.

– Просто? – глядя на свои босые ступни, прохрипела Ка-

тари. – Ты предлагаешь мне убить мужа.

Вместо ответа фэй-линь распахнула красные губы, выдувая огромный пузырь. Внутри забурлила багряная вода, превращаясь в лицо Ко, на котором косой тенью лежала улыбка. Оно отдалялось, пока не появился сторбленный силуэт на длинном причале возле их дома Ко присел на корточки, постукивая по брюху перевернутой сом-лодки.

– Прощай, старуха, – хихикнул он. – Наконец ты сгинула, вместе со своим мерзким выводком.

Пузырь вдруг лопнул, брызнув в лицо Каты грязью.

– И на него ты потратила свою молодость? Старуха! Сколько тебе? Тридцать пять, кажется. – Ката промолчала. – А ведь именно его ненависть позволила мне... – фэй-линь сложила губы бантиком, – ... пригласить вас в гости. Я частенько навевалась к нему в сны. Видишь ли, здесь очень одиноко.

– Ты заморочила ему голову! – рассердилась Ката. – А теперь просишь убить.

– Нужно же с чего-то начинать, – пожалала плечами Лами. – Помни, ты делаешь это ради детей. Все мы сперва оправдываем себя благородными целями. – Она вытащила из причёски острую шпильку с нефритовой хризантемой. – А это тебе подарок. Он вернет твою красоту и молодость.

Она пришла к морю на рассвете, сев на край причала и поджав колени к груди. Длинные волосы касались воды, расплзаясь по ней чернильными водорослями.

Раскачивались волны, брызгая ей в лицо пригоршнями соли.

– Простите, мои кровиночки, я не смогла вас уберечь. – Катари провела ладонью по лицу, смахивая влагу. Кожа её была невероятно гладкой, даже лучше, чем в юности. Ката обрела новую жизнь, только зачем? Она осталась без детей...

Среди сумерек она явилась к Ко призрачной обольстительницей. Он даже не узнал её, прежнюю Катари, в которую когда-то влюбился мальчишкой – как тот соседский паренек в их стройную Унэ. Ко выпил вина и уснул, как и обещала Лами. 'Ради детей', – повторяла себе Катари, вторя голосу фэй-линь. Она вспоминала гнусную улыбку на лице Ко, старалась отречься от всего, что когда-либо связывало их. Конечно, она его больше не любила, но и ненависти не испытывала.

'Ради детей', – твёрдо шепнула себе в последний раз и выдернула из волос заколку, свой маленький кинжал. А после, дрожащими руками спрятала её в нагрудном кармашке, возле сольмаринового оберега. Тот светился ярче обычного, ощерившись на чары фэй-линь, как кошка на собаку. Ката всегда была суеверной, и неудивительно, что всё это несчастье приключилось именно с ней. Но сольмарин защитил её. Разве не из-за него Лами с такой лёгкостью отпустила Катую, но оставила себе детей? А ведь сколько раз Катари повторяла им носить их маленькие кулоны-горошинки при себе. Вот сорванцы! Её непослушные и самые любимые...

Лами обманула её, чего ещё ждать от фэй-линь. Но Ката до последнего верила, что её деток можно спасти. 'Ты такая дурочка, Катари, – хохотала Лами, запивая радость кровью Ко. – Твои дети навсегда останутся со мной!' Вот только она не знала, что на дно кувшина Ката кинула самый яркий сольмарин, какой смогла найти. Для фэй-линь он стал отравой...

– Мама! – В зеркальной воде появилось пять пар чёрных глазок, совершенно непохожих на рыбы, однако принадлежали они стайке перламутровых неразлучников. – Это мы, мама! – хором сказали рыбки.

Катари зарыдала.

– Не плачь, это же мы! Унэ, Сето, Ти и Латика, и малыш Нигу, мама! Ты нас узнала?

Ката не могла произнести ни слова. Лишь мотала головой и смахивала слёзы.

– Мама, у нас всё хорошо, – протараторила Сето.

– Ты такая красивая, – восхищённо сказал Нигу.

– Ты нам очень помогла, избавив от той злой тётки, – наперебой заговорили двойняшки Ти и Латика. – Она жуткая уродина!

– Начни новую жизнь, – сказала Унэ. – Мы всегда рядом.

Катари кивнула, но чувствовала, как прибывает волна, подступая к её опустевшему дому. Она сама сделала первый шаг навстречу этому приливу. Когда и в её глазах вспыхнет дьявольский огонь?

Ведь теперь она и сама встала на путь фэй-линь...